

Хотя я и не видела своего лица, но я догадывалась, как оно сейчас выглядит. Наверное, ужасно бледное. Я смотрела на Кина потрясенным взглядом. Он поглядел на меня раскрытыми глазами, словно удивленный моими действиями.

«Имя Кина...»

Я хотела знать его полное имя, и в то же время нет. Я себе пообещала кое-что после того, как Кин сказал, что обязательно ко мне вернется. Если он назовёт мне свое имя, я просто притворюсь, что ничего не услышала. И никогда не буду его вспоминать.

«Если я буду знать имя Кина, то незаметно для себя буду постоянно искать, где он сейчас».

Если я буду знать имя человека, который ко мне не вернется, это будет минусом только для меня. Если я буду искать того, кто меня не ищет, больно будет только мне.

«Трусиха».

Я проклинал себя за это, но ничего не мог с собой поделать. Просто за мою короткую жизнь ничего из того, чего я ждала, не сбылось. Увидев растерянное лицо Кина, я улыбнулась.

— Если ты хочешь назвать мне свое имя.

— ...

— Скажи мне его, когда вернешься.

Кин стоял неподвижно, не сводя с меня глаз. На мгновение воцарилась тишина. Осенний ветер пронесся между нами. Кин не злился на то, как я себя вела. Напротив, он снова улыбнулся и сказал:

— Хорошо.

Как будто был уверен, что мы встретимся снова. И, словно ставя какую-то печать, Кин повторил снова:

— Когда я вернусь, первым делом я назову тебе свое имя. Поэтому дождись моего возвращения.

Меня смутила такая уверенность.

— Я обязательно вернусь.

Измотанная его странной уверенностью, я кивнула:

— Я буду ждать...

Я была немного растеряна. Кин широко улыбнулся, услышав мои слова. Я пожалела, что увидела его таким. Мне не следовало приводить его на поле с космеями.

Кин снова взял меня за руку.

— Может, нам вернуться?

Всё испорчено. Всё полностью разрушено. Я хотела создать хорошее последнее воспоминания для нас обоих, чтобы потом вспоминать его до конца жизни.

Но теперь каждый раз, когда я буду видеть космеи, они будут напоминать мне о Кине и этом ужасном воспоминании. Всё так запуталось.

Я последовала за Кином, пристально глядя в безмятежное солнечное небо.

Нас никто не поймал. В принципе, этого и следовало ожидать. Я попрощалась с Кином, стоя у проёма в стене.

— Пока, хорошего пути.

Кин не ушел в проём. Вместо этого он стоял и с подозрением смотрел на меня. Кин нахмурился, словно ему что-то не нравилось.

Немного встревоженный, он взял меня за руку. Кин поцеловал ту часть моего пальца, которая не была забинтована. Только тогда он улыбнулся, как будто был удовлетворён.

— Я вернусь.

Ошеломленная и очарованная, я стояла не шевелясь, пока Кин не исчез. Его образ, когда он уходил, запечатлелся в моей памяти. Щеки и глаза, которые были странного алого оттенка в красновато-солнечном свете, пленили меня. Острый нос, такой же подбородок и золотистые волосы, развевающиеся на ветру. Всё это потрясло меня, оставив после себя лишь остаточные воспоминания об их хозяине.

Только когда не осталось даже следа присутствия Кина, мне удалось моргнуть.

Я тщательно присыпала лаз травой, в который он никогда больше не вернется. На моих глазах заблестели слезы, а затем начали капать на землю. Я грубо вытерла глаза рукавом.

Прощай, мой друг. Было весело.

Моя первая любовь, которая пришла так внезапно, казалось, подошла к концу.

Дайкин шел домой, прислушиваясь к своему сердцу. Когда он думал об Эйли, оно бешено колотилось. Когда Дайкин думал о том, не сможет её видеть, всё его тело болело так, словно его избили молотком. Он уже был нервным и нетерпеливым, словно они не виделись несколько лет. Как человек, тоскующий по дому.

Дайкин не знал, с каких пор его сердце стало таким. Он всегда жил без цели, но его желание жить с Эйли становилось всё сильнее. Дайкин с уверенностью думал о том, как поскорее забрать её, и каким методом воспользоваться. Такое планирование было для него в новинку.

С каких это пор он стал так одержим этим? С тех пор, как Эйли спасла его? Это случилось, когда он подумал, что ему надо отплатить за услугу, и из благодарности всё выросло до симпатии? Или это потому, что он всё время беспокоилась о ней, и это превратилось в привязанность? Или... Всё дело в том, что Эйли первая, кто не обращается с ним, как с ходячей бомбой замедленного действия?

«Эйли останется со мной навсегда, если я скажу ей, что я просто бомба, которая неизвестно когда взорвётся».

Если подумать, то он не сказал ей этого, потому что не хотел причинять ей боль. Когда они встретились, его силы ослабли, поэтому Дайкин был уверен, что взрыва не будет, но никто об этом не знал. Но Дайкин не то, чтобы сказать, даже думать об этом не хотел в присутствии Эйли.

Теперь, когда он об этом подумал, похоже, так оно и было. Так она из-за этого ему нравится? Потому что Эйли единственная, кто сможет принять такую бомбу замедленного действия, как он? Дайкин не хотел думать, что всё именно так. Может быть, причина была не совсем в этом.

«Причина?»

Разве нужна причина, чтобы любить кого-то? В прошлом Дайкин бы притворился, что его тошнит от таких слов, но сейчас он совершенно изменился. Не нужно искать причину, чтобы любить кого-то.

Перед лицом любви Дайкин предпочел стать нахальным безумцем.

И он поклялся, что любыми способами создаст место, куда сможет привести Эйли. Дайкин даже составил грандиозный план на будущее, как забрать её, а затем вместе наслаждаться роскошной жизнью. Он думал, что, скорее всего, женится, как только найдёт, где им жить, поэтому они не смогут сразу же отправиться в медовый месяц, но, как только Дайкин закончит с делами, то они сразу же отправятся отдыхать.

В его голове вертелись вопросы о том, куда поехать молодоженам в медовый месяц, где устроить свадьбу и всё в том же духе. Дайкин вспомнил, что пары, которые говорили о том, что якобы влюблены, тоже задавались такими вопросами. Но он был серьезен.

«Чтобы так жить, мне нужно находиться в устойчивом положении, а не в такой опасной ситуации, как сейчас».

Для этого он должен был вернуться с войны с победой. Даже если Дайкин от этого ничего не выиграет, Император знает, что ему лучше не бросать семью Блэшеров, потому что он нуждался в них. Но ему нужно было безопасное место. Так Эйли будет меньше страдать. Нет, она больше никогда не будет страдать.

Дайкин, как и любой пятнадцатилетний подросток, верил, что эти чувства будут вечными. Он был настроен решительно, поэтому тяжело вздохнул, осознав реальность долгой разлуки. Но Дайкин не собирался останавливаться. Покачив головой, он мысленно обратился к Эйли.

«Эйли, моя фея. Я быстро со всем закончу и вернусь за тобой».

Прошло пять лет, теперь ему было двадцать.

Дайкин вернулся домой с победой после бесчисленных сражений. Многое произошло до того, как он пришел с триумфом. И благодаря этому опыту Дайкин тоже сильно изменился. Но одно всё ещё оставалось неизменным.

«Как я могу скучать по тебе всё больше с течением времени?» — думал Дайкин, пересекая границу в карете. Во время войны дни, проведенные с Эйли в детстве, стали самыми драгоценными воспоминаниями. Это было его сокровище, которое утешало его в разочаровывающих битвах.

Поле боя было действительно мрачным. Всем было не до дружбы. Взгляды, обращенные на него, делились на две категории: те, кто смотрел на него, как на божество, и те, кто считал его бомбой замедленного действия и монстром, который в любой момент мог взорвать всё, даже своих союзников.

Дайкину не нравилась ни та, ни другая группа. Обе доставляли слишком много хлопот. Первые

слишком благоговели перед ним, а вторые — боялись до ужаса.

Дайкин хотел сказать тем, кто считал его монстром, что его способности полностью стабилизировались, но промолчал. Ему нужно было бы привести доказательство, а он не хотел рассказывать про Эйли, да и вряд ли кто-нибудь поверил бы. Потому что никто не знал о существовании таких способностей.

Поэтому, даже если бы Дайкин и сказал, что его способности стабилизировались, всё бы решили, что он просто лжет, чтобы их успокоить.

В их взглядах читалось раздражение. Как и ожидалось, Эйли единственная, кто принимает его таким, какой он есть. Все воспоминания Дайкина о войне были тусклыми. Для него всё сияло только когда он был с Эйли.

«Что сейчас делает Эйли? Если бы я написал в письме, что скучаю, прислала она бы мне ответное письмо с кучей слов о том, что тоже хочет меня увидеть?»

Несмотря на то, что он не мог её видеть, его любовь с каждым днём становилась всё глубже. Он постоянно скучал по Эйли, как муж, отправившийся на войну и оставивший свою жену.

Вот Дайкин прожил пять лет. И теперь он возвращался в свою страну, даже не подозревая о том, что в тот день Эйли сообщили о том, что она умирает.

Дайкин Блэшер, вернувшись домой и повзрослев, принял титул эрцгерцога быстрее, чем кто-либо другой.

Теперь он был совсем не похож на себя в детстве. Дайкин, когда-то тощий и непривлекательный, сейчас был обладателем крепкой мускулатуры, как человек, который вернулся с поля боя, и он стал достаточно высоким, чтобы смотреть сверху вниз на большинство людей.

Хотя у него была красивая внешность, он скорее был похож на необработанный алмаз, чем на прилизанного красавца. Светловолосый и голубоглазый Дайкин скорее источал ауру короля, который над всеми властвовал, а не на принца. Он был высокомерен, холоден и немного аскетичен.

Его кожа не была такой белой, как нефрит, но Дайкин и не был слишком загорелым, учитывая то, что он сражался на поле битвы.

Даже с такой завораживающей внешностью он получил прозвище монстра и призрака войны. Так его называли из-за его облика, безжалостно атакующего врага. Он стал объектом страха и благоговения.

Предложения о браке также поступали, но из-за слухов о том, что Блэшеры — это бомбы замедленного действия, которые могут взорваться в любой момент, а также о том, что он убивает каждую ночь, чтобы контролировать свою силу, их становилось всё меньше и меньше.

К тому же...

«Я слышал, что у него столько сил, что вся его энергия уходит на то, чтобы контролировать способности, поэтому он импотент...»

Ходили даже такие слухи.

Дайкина это совершенно не волновало. Вопреки слухам с тем, что было ниже пояса, было всё в порядке (?), и он не был бомбой замедленного действия. Его мать, кажется, беспокоилась, потому что не знала всей правды, но всё было не так.

После встречи со своей феей Дайкин не только поправился, но, к тому же, ему стало легче контролировать свои способности. Поэтому на поле боя проблем не было, и он взрывал всех и вся.

И то, что люди умирали каждую ночь, — это была чушь собачья. Он посмеялся над многочисленными слухами, как только вернулся.

Дайкин впервые навестил свою мать после долгого отсутствия. После возвращения ему пришлось присутствовать на многочисленных банкетах в столице, но теперь он мог поприветствовать своих родителей.

— Ты хорошо себя чувствуешь? Ты писал, что всё хорошо, но твой отец медленно...

Дейкин пожал плечами и сказал, чтобы она не волновалась, потому что он чувствовал себя лучше, чем когда-либо.

— Кстати, мама.

— Да, что такое? Скажи мне, что ты хочешь съесть. Я всё для тебя сделаю.

— Я собираюсь жениться.